

УДК 338.1;910.3

УСПЕШНАЯ НЕУСТОЙЧИВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ МИРА: 1880–1913 – УРОКИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ (РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ Л.М. ГРИГОРЬЕВА И А.К. МОРОЗКИНОЙ)

© 2023 г. В. А. Шупер^{a, b, *}

^aИнститут географии РАН, Москва, Россия

^bУниверситет Бернардо О’Хиггинса, Сантьяго, Чили

*e-mail: Vshuper@igras.ru

Поступила в редакцию 10.02.2022 г.

После доработки 08.08.2022 г.

Принята к публикации 03.11.2022 г.

Книга Л.М. Григорьева и А.К. Морозкиной исключительно актуальна, поскольку сейчас, как и в 1880–1913 гг., наблюдается быстрый рост неравенства. Важен вывод о том, что даже тогда революционный взрыв не был неизбежен и не произошел бы, не будь мировой войны. Темпы роста ограничивались недостаточной широтой внутренних рынков и медленным ростом производительности труда в силу нехватки человеческого капитала. Марксизм, по мнению авторов, отразил характер общества середины XIX в., но примерно с 1870-х годов неравенство и абсолютная бедность начали становиться разными проблемами. Индустриализация за счет крестьянства, происходившая в России, развивавшейся вопреки теориям, не должна трактоваться как однозначное зло, тем более что сходные явления наблюдались и в других странах. На основании экономического анализа (“сталь не врет”) ставятся под сомнения господствующие представления о мотивах Германии при развязывании Первой мировой войны. Она была крайне обеспокоена изменением соотношения сил в пользу США и России. Авторы пришли к выводу об отсутствии конвергенции в развитии рассматриваемых стран в 1880–1913 гг. По их мнению, успешное догоняющее развитие – довольно редкая удача. При этом рецепт успеха всегда оказывался индивидуальным и малоприспособленным для тиражирования. Отрыв колоний от бывших метрополий за последнее столетие несколько не сократился. Размышления над книгой приводят к выводу о том, что у России в XXI в. есть возможность дольше других стран сохранять динамизм развития в перешедшем к стационарности мире благодаря освоению Сибири.

Ключевые слова: индустриализация, социальное неравенство, догоняющее развитие, прогрессивный национализм, альтернативная география

DOI: 10.31857/S2587556623010168, **EDN:** LUWDMJ

Дух науки – это дух сомнения, когда из нее уходит дискуссионность, остаются ее достижения, большие и малые, но они подобны величественным городам минувших цивилизаций. Живая наука – семинар, а не библиотека. Именно поэтому попытка бесстрашно переосмыслить один из самых важных и драматичных исторических периодов – индустриализацию мира, сформировавшую первую глобализацию, войдя при этом в противоречие со многими устоявшимися представлениями, заслуживает самого пристального внимания. Тем более, что она оказалась исключительно интересной и полезной читателю не только своими выводами, но и ценным фактическим материалом – в книге Л.М. Григорьева и А.К. Морозкиной 34 таблицы, в том числе 7 таблиц в приложениях, текст иллюстрируют 18 графиков и 3 диаграммы. Для России в приложении приводятся некоторые важнейшие в экономиче-

ском отношении законодательные акты. Список литературы насчитывает 130 источников.

“СТАЛЬ НЕ ВРЕТ”: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Авторы указывают, что “в процессе анализа были затронуты вопросы, связанные с двумя крупными проблемами той эпохи: во-первых, социальным неравенством и угрозой социально-политической неустойчивости; во-вторых, конкуренцией великих держав и объективными параметрами их подготовки к будущей войне, насколько это возможно средствами социально-экономического (не политического) анализа. В известном смысле наш подход к исследованию процессов развития в данный период близок (хотя не буквально) к концепции устойчивого развития... Разумеется, нельзя судить акторов конца

XIX — начала XX в. по принципам Устойчивого развития ООН 2015 г. Но в ряде случаев наш подход будет охватывать актуальные сегодня темы и проблемы в приложении к периоду 1880–1913 гг., который оказался необыкновенно важным для формирования современной мировой системы» (Григорьев, Морозкина, 2021, с. 6–7).

Глубокая трансформация рассматривается как на глобальном уровне, так и — наиболее детально — на примере пяти стран: Великобритании, Германии, России, США и Франции, хотя для анализа привлекаются и другие страны, по которым есть статистика — Австро-Венгрия, Швеция, Аргентина и др. «Для экономистов “сталь не врет” — и без анализа политических стратегий и интриг видна активная индустриализация “сверху” в бисмарковской Германии — двадцать лет при Железном канцлере и четверть века после него. Ретроспективно видно, как именно Германия пыталась успеть нарастить мускулы до того, как США и Россия выйдут на более высокий уровень (каждая по-своему)» (Григорьев, Морозкина, 2021 с. 12).

На последнем положении следует остановиться особо: “С учетом быстро росших США и Российской империи ситуация оказалась способствующей принятию безрассудного решения о войне в Германии. Скачок государственных расходов в 1913 г. был замечен, и, хотя военные расходы не выглядели большими, с трудом верится в столь гигантский рост невоенных статей бюджета за год до войны. А ощущение превосходства в центре Европы, прусская военная традиция и несколько побед над соседями фактически создали ощущение, что военное решение геополитических проблем является допустимым вариантом” (Григорьев, Морозкина, 2021, с. 81). Здесь авторы фактически вступают в полемику с Г. Киссинджером (и далеко не с ним одним), считающим верхом глупости развязывание войны кайзером Вильгельмом II (1859–1941), поскольку соотношение сил и так быстро менялось в пользу Германии, которой следовало просто ждать, чтобы воспользоваться плодами этих изменений (Киссинджер, 1997). Можно, разумеется, попенять авторам на экономический детерминизм, но некоторые экономисты считают преувеличенным и гитлеровский авантюризм — военная машина Третьего рейха создавалась в значительной мере на заемные средства, долги постоянно росли, соответственно единственной возможностью избежать дефолта было завоевание стран-кредиторов, в первую очередь Франции и Голландии (Брюне, Гишар, 2012).

Отрешившись от зацементированных в сознании стереотипов, мы увидим, что динамизм тогдашнего экономического развития был вовсе не того размаха, что японское “экономическое чудо” или подъем Китая в первые десятилетия ре-

форм. Он не совсем дотягивает даже до “славного тридцатилетия” во Франции в силу причин, осознание которых приходит лишь сейчас. «В темпах экономического роста в период быстрой индустриализации лидировали США (среднегодовой рост 3.9%), однако и все ведущие державы Европы показывали значительные успехи, хотя и по разным параметрам. Условная “периферия” мира того времени — это не колонизированная Индия и зависимый Китай, но Аргентина, Бразилия и Россия, которые находились на разных этапах индустриализации, а в части организации производства и технологий — на догоняющем этапе. В страновом плане это период соперничества Великобритании и Германии, показавшей первый — видимо, классический — пример догоняющего развития на базе научно-технического прогресса и государственной политики... Не менее важно — социальные науки стали понимать это намного позже — было характерное для фазы индустриализации неравенство, которое ограничивало широту внутренних рынков и производительность труда в силу нехватки человеческого капитала» (Григорьев, Морозкина, 2021, с. 14).

Разные исследователи на разных данных делают выводы о наличии или отсутствии конвергенции уровней развития стран в рассматриваемый период. Авторы пришли к заключению о ее отсутствии. Успешное догоняющее развитие — довольно редкая птица. При этом рецепт успеха всегда оказывался индивидуальным и малоприменимым для тиражирования. “Так, в Швеции после 1890 г. фактором роста стала эволюция от производства и экспорта древесины к древесной массе и бумаге” (Григорьев, Морозкина, 2021, с. 19–20). С бывшими колониями же дело обстоит совсем скверно. Как отмечают авторы, за последнее столетие их отрыв от бывших метрополий несколько не сократился (Григорьев, Морозкина, с. 26–27).

РОСТ НЕРАВЕНСТВА: ГЛОБАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВНИ

Не везет не только бывшим колониям: “С 1960-го по 2014 г. только 16 из 182 стран смогли перешагнуть порог в 50 процентов от американского ВВП на душу населения. Исключая ресурсные экономики, государства, достигшие этого уровня в 1970-е, и страны, вступившие в ЕС, остаются только четыре страны — Гонконг, Сингапур, Южная Корея и Тайвань (а по сути, только две последние, если исключить государства-города). Возможно, вскоре к ним добавится и Китай, но пока это лишь предположение” (Зотин, 2021). Опираясь на недавнее исследование экономистов МВФ, А.Н. Зотин приходит к далеко не оптимистичному заключению: “экономический рост — это не что иное, как результат сочетания промышленной/экспортной политики и большого

набора самых разных, часто случайных внешних и внутренних факторов, могущих препятствовать развитию той или иной экономики (природные катастрофы, войны, этнические и классовые конфликты, негативная конъюнктура сырьевых рынков и тому подобное). Промышленная и экспортная политика, таким образом, могут усиливать или наоборот нивелировать последствия простого везения или невезения. Так как случайных негативных внешних и внутренних факторов много, и они часто независимы друг от друга, вполне возможен вариант провала экономики, несмотря на правильную политику. Это важно и не совсем тривиально. Нужно понимать, что в такой ситуации довольно сложно делать различия между эффектами плохой экономической политики и случайными негативными факторами, каждый из которых может обесценить и хорошую политику” (Зотин, 2021).

Главная задача предпринятого исследования – вырваться из под власти ретрознания, которое довлеет над нами, настойчиво побуждая считать произошедшие события неизбежными. Именно такой подход, основанный на историческом детерминизме, будь то исторический материализм или либеральный глобализм с его “концом истории”, усваивался из поколения в поколение еще на студенческой скамье и заставлял считать случившиеся социальные потрясения неизбежным следствием роста неравенства. Но были ли они в действительности таковыми? «Работа с новыми технологиями позволила развивать человеческий капитал и увеличивать производительность труда. Безусловно, основная масса рабочих оставалась бедняками, а уровень неравенства был огромным, но экономический рост все же пошел (два–три процента в год – это уже заметно), и какая-то его часть стала доставаться низам общества. Марксизм отразил характер того общества, но примерно с 1870-х годов неравенство и абсолютная бедность начали становиться “разными” проблемами» (Григорьев, Морозкина, 2021, с. 28–29).

Осознание этого исторического опыта в высшей степени полезно сейчас, когда быстрый рост неравенства снова стал подрывать устойчивость социальных систем. Он помогает нам составить хоть некоторое представление о пределах этой устойчивости. Альтернативная история перестает быть чисто академическим упражнением, когда направлена на извлечение уроков, в высшей степени поучительных для ныне живущих поколений. Если следовать классическому положению Э. Реклю (1830–1905) о том, что география – это история в пространстве, а история – это география во времени, то разработка альтернативной географии становится важнейшей задачей географов и даже их долгом перед обществом. Альтернативная история показывает, как могли развиваться события, альтернативная география долж-

на показывать, как они смогут развиваться в будущем, какие могут возникать варианты пространственной организации и с какими последствиями. Ниже будет показано, что переселенческий проект П.А. Столыпина (1862–1911) мог бы стать выдающимся достижением в области альтернативной географии при более благоприятных исторических обстоятельствах.

Речь не может идти о возложении на науку несвойственных ей функций. Известный французский географ-урбанист Ги Бюржель справедливо критикует политическое руководство за трусость, выражающуюся в настойчивых поползновениях подменять ответственные политические решения градостроительными мерами (Бюржель, 2014). Географам следует, напротив, доносить до властей предержащих знания об объективных закономерностях, кладущих предел волюнтаризму, будь то эволюция расселения, на различных стадиях которой преобладают процессы концентрации или деконцентрации¹, закономерности эволюции транспортных сетей и проч. При этом социальные катаклизмы в некоторых случаях могут повернуть вспять эволюцию пространственной организации. Так, по всем советским переписям – с 1926 по 1989 г. – доля Москвы в населении РСФСР неуклонно снижалась, но в постсоветский период ее доля в населении РФ постоянно росла, причем данные последней переписи не указывают на перелом тенденции, хотя и свидетельствуют о ее угасании. Возможно, перелом уже начинается – в 2021 и 2022 гг. население Москвы сокращалось.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Для нас главный вопрос – не только о влиянии социальных процессов на территориальную организацию общества и о территориальной самоорганизации, ставящей внешние ограничения управленческим воздействиям, но и о полиморфизме форм пространственной организации, возникающих в результате социальных процессов. Сдвиг населения в районы с более благоприятными природно-климатическими условиями – мировая тенденция, исход из Архангельской губернии начался еще в 40-е годы XIX в., но П.А. Столыпин с его переселенческим проектом, возможно, будет сочтен предтечей альтернативной географии. Благодаря его усилиям в 1906–1916 гг. в Сибирь переселились примерно 3.1 млн

¹ Политика ограничения роста крупных городов и стимулирования малых и средних, которую пытались проводить в 1970-е и 1980-е годы, была заведомо обречена на провал в силу некорректного использования зарубежного опыта: в СССР расселение в целом находилось на более низкой стадии эволюции, нежели в США и Западной Европе, той, на которой преобладают процессы концентрации.

крестьян, из которых, правда, 17% вернулись. Этого было явно недостаточно для решения аграрного вопроса. В условиях быстрого роста населения требовалось переселить порядка 25 млн.

В главе IV — Российская империя: рост “вопреки всем теориям” — авторы подробно рассматривают аграрный кризис в различных его аспектах (один из ее разделов озаглавлен «Политэкономия “Вишневого сада” и аграрный вопрос»). Они пишут: «сдвиги происходили, и нам представляется, что изменения были вопросом времени — это необходимость знаменитых “20 лет покоя” Столыпина» (Григорьев, Морозкина, 2021, с. 91). Однако не хватило либо 20 лет, либо 22 млн переселенцев в Сибирь. Переселение таких масс тоже требовало немалого времени, но могло идти существенно быстрее, если бы лучше финансировалось и не встречало резкого сопротивления помещиков-землевладельцев, обоснованно боявшихся конкуренции со стороны эффективных крестьянских хозяйств (надо учесть, что распашка целинных и залежных земель дает высокие урожаи в первые годы, но далее урожайность падает). Как и указал Э. Реклю, пространство и время во многом симметричны, соответственно выигрыш в пространстве может дать выигрыш и во времени.

Критически относясь к укоренившимся представлениям, авторы пишут: “Мы бы осторожно отнеслись к мнению А. Гершенкрона, цитируемому Е.Т. Гайдаром, о том, что индустриализация за счет крестьянства была угрозой политике индустриализации. Разумеется, в процессе обеднения в деревне и отрыва крестьян от земли в города и т.п. есть очевидные риски. Но переход из отходников в рабочие вел к росту дохода после адаптации к городу, помощи трудовых мигрантов родственникам, расширению трудовой мобильности и возможностей. Главное, что необходимо помнить — все это относится не только к России, а ко всему миру того периода. Это был этап, который проходили фактически все страны” (Григорьев, Морозкина, 2021, с. 95). Сравнивая развитие России и США, авторы указывают: “Строго говоря, при переходе от обсуждения институциональных различий к экономическим результатам за период наблюдатель (особенно российский читатель) скорее удивляется значительным результатам России, чем ее отставанию” (Григорьев, Морозкина, 2021, с. 124). Увы, «в российской истории наблюдается “повторяющаяся драма”: по мере развития, выхода на новую стадию благосостояния, технологического уровня и мощи Россия так или иначе втягивалась в тяжелейшие внешние конфликты, которые отбрасывали ее далеко назад и вынуждали ее “начинать все сначала”» (Григорьев, Морозкина, 2021, с. 113). Впрочем, крах СССР явно не вписывается в эту закономерность.

Венчающая книгу глава V — Социальные параметры большой индустриализации — содержит раздел с характерным названием: “Совсем иное неравенство”. «Концентрация благосостояния в Европе в период перед Первой мировой войной — читаем мы в этом разделе — была настолько велика, что еще рано было говорить о массовом среднем классе в современном понимании. Доля верхнего дециля в благосостоянии была близка к 90% (или даже выше, как в Великобритании), так что средние 40% держателей богатства были практически так же бедны, как и нижние 50% (доля обеих групп находилась на уровне 5% или меньше). Ясно, что высокое англосаксонское неравенство стало фактом уже тогда, а его значения в континентальных странах, особенно в Скандинавии, были ниже. Так что “европейский антикоммунистический социализм — это не только реакция на появление СССР”» (Григорьев, Морозкина, 2021, с. 134–135).

Разбираясь с социальным неравенством, авторы приходят к выводу: «Относительно высокие темпы роста в течение двух поколений, некоторое улучшение положения масс не дают основания считать обострение классовых конфликтов неизбежным, в частности, с учетом эмиграции активных элементов трудящихся [для России “последним клапаном”, по В.И. Ленину, могла стать Сибирь, но не хватило ни времени, ни политической воли — В.Ш.]. Во всяком случае, история показывает, что пролетарские движения до мировой войны так и не вырвались в острую массовую фазу, называемую революцией» (Григорьев, Морозкина, 2021, с. 137). И это при том, что “начало XX в. при технологиях того периода — это пик веса рабочего класса в обществе при еще очень низких относительных доходах” (Григорьев, Морозкина, 2021, с. 138)!

Осмысливая исследуемый период, авторы пишут: «это был период “неустойчивого” развития, который надо было пройти задолго до осознания того, что это некий “переходный” период и впереди человечество ждет огромный рост производительности труда и доступности социальных благ» (Григорьев, Морозкина, 2021, с. 146). Содержащийся в книге анализ может быть в высшей степени полезен именно потому, что нам опять надо пройти переходный период между второй глобализацией и тем, что придет ей на смену, причем будущее опять стало опасно непредсказуемым. При этом только смелость, прежде всего интеллектуальная, может позволить успешно пройти этот трудный и опасный участок нашего пути в будущее. Ее катастрофически не хватило элитам в начале XX в., а нынешние еще и ниже на голову. Нам надо хорошо осознавать, что мейнстрим не совместим со смелостью и талантом. Талантливые и смелые тоже могут ошибаться, в неустойчивом мире на переломе траектории не

ошибиться вообще очень трудно, но посредственности ошибаются всегда.

МИФ ОБ УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ

Еще раз отдавая должное интеллектуальной смелости авторов, приходится все же отметить некоторую ее недостаточность. Она бросается в глаза уже в лишенном всякой иронии отношении к принципам Устойчивого развития ООН 2015 г. Очевидно, что уровень ООНовских документов никак не может быть выше уровня решений съездов КПСС, о которых считалось неприличным говорить в частном порядке без сарказма, уже хотя бы в силу необходимости мириады согласований. Реализуемость решений съездов также была ниже всякой критики, но у ООН нет и малой доли той власти, которой обладала КПСС. Увядание марксистско-ленинской идеологии в позднесоветский период и полное отсутствие какой-либо собственной идеологии в постсоветский — возможно, она начинает кристаллизоваться сейчас — привели к монополии Запада на целеполагание для всего мира. Сейчас нам необходимо разрушать эту монополию, а не ссылаться на то, что нам не следует противопоставлять себя всему человечеству. Если мы предложим другой путь, как это было сделано после Октябрьской революции, то часть человечества, безусловно, пойдет за нами.

Два французских профессора-вольнодумца предприняли интересный и поучительный анализ концепции устойчивого развития (Брюне, Гишар, 2012). Три десятилетия после Второй мировой войны ознаменовались достаточно высокими темпами экономического роста, составлявшими 4–5% в год, как для стран Западной Европы, так и для США (во Франции это “Славное тридцатилетие”). С середины 1970-х годов темпы стали снижаться, опустившись до 2–2.5% и даже ниже, что было связано в первую очередь с вывозом промышленности в страны третьего мира. Именно тогда резко возросло внимание к проблемам качества окружающей среды, а в 1987 г. с подачи Г.Х. Брундтланд появилась концепция устойчивого развития, такого развития, которое сохраняет качество окружающей среды для настоящего и будущих поколений. Между тем выход на первый план экологических проблем стал возможен именно в силу того, что промышленные группы во все возрастающей степени выносили “грязные” производства за пределы высокоразвитых стран.

В том же направлении действовала и другая тенденция — рост благосостояния среднего класса, представители которого приобретали вторые и третьи жилища, предъявляя при этом высокие требования к качеству среды. Таким образом, появился спрос на идеологию, утверждающую необходимость трансформации количественного

роста в качественный, избирателей убеждали в том, что они выигрывают в качестве жизни, а не в материальном потреблении. Между тем очевидным следствием такого развития стал продолжающийся рост безработицы, формирование устойчивых групп населения, исключенных из общественного производства, и потому имеющих совсем иные представления о качестве жизни (там же).

Отечественными исследователями также было показано, что устойчивое развитие, понимаемое как неистощительное природопользование, невозможно даже теоретически (Бабурин, 2011). Можно, например, поддерживать плодородие почв, но для этого надо вносить удобрения, применять щадящие методы обработки, проводить дорогостоящие противоэрозионные мероприятия и проч. Все это требует привнесения вещества и энергии. Земля же — открытая система только по энергии, вещество не может быть получено извне (за исключением метеоритов). Следовательно, это вещество в виде удобрений, металлов для машин, расходуемых ими горюче-смазочных материалов и т.п. должно быть получено из других стран. Высокоразвитые страны могут улучшать состояние воздушного бассейна своих городов, внедряя электромобили, но металлы для аккумуляторов выплавляются в совсем других странах, а эти производства — из самых экологически опасных. Поэтому экспорт загрязнения — не метафора, а устоявшееся научное понятие. Кстати, переход на электромобили ведет к росту потребления энергии, как и отказ от кокса в черной металлургии, и многое другое.

“Зеленый шум”, к сожалению, заглушает многие трезвые голоса. Почти совсем перестали упоминаться исключительно важные в мировоззренческом отношении результаты Д.И. Люри (1962–2017), убедительно показавшего на обширном эмпирическом материале, что высокая цена на ресурс исключает возможность его рационального использования (Анатомия ..., 1999). Это объективное обстоятельство не зависит ни от социально-экономической формации, ни от добрых намерений властей, ни, тем более, от общественных настроений, теряющих в последнее время всякую связь с объективной реальностью. Весьма характерно предложение А.Б. Чубайса, сделанное за год до отставки и отъезда из России, считать устойчивое развитие новой религией XXI в.² Можно не соглашаться с авторами в очень важных вопросах, но спорить с ними следует, как со своими, поскольку и для них, и для нас “сталь не врет”.

Именно потому, что “сталь не врет”, исключительно важен вопрос о том, откуда она берется.

² Чубайс назвал новую религию XXI века // РИА НОВОСТИ. 10.02.2021. <https://ria.ru/20210210/chubays-1596877471.html> (дата обращения 16.01.2022).

Авторы, будучи экономистами, вовсе не обязаны его рассматривать, но он крайне важен в плане осмысления исторического опыта. Ведь именно Пруссия, затем Германия показала “первый — видимо, классический — пример догоняющего развития на базе научно-технического прогресса и государственной политики”. Здесь необходимо вспомнить опального советского философа М.К. Петрова (1923—1987), разработавшего представление о второй научной революции (Петров, 2004). Величие первой научной революции, в ходе которой люди, ранее не имевшие представлений об опытном естествознании, создали науку Нового времени, во многом заслоняет значение второй научной революции, ничуть не менее важной для общественного развития. Ведь до нее наука была благородным занятием любознательных одиночек, имевших малое отношение к практике, а академии наук служили, подобно дворцам и паркам, в первую очередь укреплению престижа монархии. Соответственно первая промышленная революция научно-технической отнюдь не была, поскольку все основные изобретения — ткацкий станок, паровая машина, пароход, паровоз, электрический телеграф — были сделаны практиками-самоучками. Наука в те времена объективно не могла вести за собой практику, поскольку сама от нее отставала.

Вторая научная революция, она же первая научно-техническая, была в чистом виде революцией сверху. Король Пруссии Фридрих Вильгельм III (1770—1840), потерявший в наполеоновских войнах половину территории и половину подданных, приобрел похвальную склонность к реформам в области образования. Ему принадлежит фраза: “Государство должно заместить духовной силой то, что оно потеряло в физической”. В осуществление этой прекрасной идеи его министр по делам вероисповеданий и просвещения В. фон Гумбольдт (1767—1835), старший брат великого естествоиспытателя, основал в 1809 г. Берлинский университет как первый университет нового типа, во многом взамен утраченного университета в Галле. В этом университете впервые была реализована поточная система обучения, пришедшая на смену тьюторской (работа преподавателя с малой группой студентов на протяжении всего срока обучения), появился институт профессоров и приват-доцентов, центр тяжести был перенесен на естественнонаучные и технические дисциплины.

Поставив на поток производство специалистов, удалось создать условия для последующего научно-технического рывка. Оформление “великой триады”, по М.К. Петрову (фундаментальная наука—прикладная наука—подготовка кадров), было завершено в 1826 г. созданием Ю. Либихом (1803—1873) лаборатории в Гисене, ставшей прообразом современных НИИ. В ней велись как

фундаментальные, так и прикладные исследования, в частности были разработаны первые минеральные удобрения (азотные). Была в ней и структура, соответствующая современной аспирантуре. Очевидно, что Франко-прусская война была проиграна Францией, имевшей на порядок меньше инженеров и химиков, нежели Пруссия, еще до ее начала.

Самый грустный для нас урок прусского успеха — даже не в совершенно недостаточном для прорыва финансировании образования и науки, а в полном отсутствии фигур калибра Фридриха Вильгельма III и В. фон Гумбольдта, способных выдвигать и осуществлять принципиально новые идеи, плоды осуществления которых достанутся лишь потомкам. У наших же реформаторов всегда много новых идей, но при этом ни одной собственной, очень короткий горизонт планирования, что также характерно для современного Запада. Разгром Академии наук, великого детища Петра I (1672—1725), в 2013 г. — самое яркое, но далеко не единственное свидетельство абсолютной негодности проводимой политики для решения масштабных задач развития страны.

“ПРОГРЕССИВНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ” КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ

Другой внеэкономический фактор, который обязательно должен быть учтен, это прогрессивный национализм А. Ливена: “За исключением коммунизма в течение его непродолжительного революционного периода, ничто в современной истории не может сравниться с национализмом в качестве источника коллективных действий, добровольных жертв и, конечно, государственного строительства. Другие элементы личной идентичности могут быть важны для каждого человека в отдельности, но они не создают крупных и долговечных институтов... В России именно возрождение национализма спасло страну от полного краха в 1990-е годы. После того, как в Китае была официально принята новая государственная экономическая стратегия, которую можно охарактеризовать как авторитарный социально-ориентированный рыночный капитализм, именно национализм пришел на смену коммунизму в качестве идеологии, придающей легитимность государству... Можно уверенно сказать, что реформы прошли успешно лишь в тех странах, где государство смогло мобилизовать сильные националистические чувства, чтобы оправдать необходимые жертвы. В некоторых случаях карта национализма разыгрывалась с большим убеждением и энтузиазмом, дабы укрепить страну перед угрозой иностранного вторжения или господства” (Ливен, 2020).

Рассматривая индустриализацию как важнейший аспект модернизации, авторы обоснованно

придают огромное значение проблеме неравенства как главной угрозе социальной стабильности. Столь же обоснованно они делают вывод об отсутствии неизбежности социального взрыва в начале XX в. Однако избежать его удалось лишь в социальных империях, по А. Ливену: “Планы социальных империалистов выходили далеко за пределы социального страхования, охватывая градостроительство, общественное здравоохранение и реформу образования. Во всех западноевропейских странах успех различных программ социального империализма, осуществленных до 1914 г., находил отражение в необычайной стойкости и самопожертвовании их армий. В то время как неспособность российского империалистического государства обеспечить минимальное социальное благополучие своих граждан во многом способствовала краху сначала армии, а затем государства в 1917 г.” (там же).

Неоднократно подчеркивая, что реформы прошли успешно лишь в тех странах, где государство смогло мобилизовать сильные националистические чувства, чтобы оправдать необходимые жертвы, А. Ливен справедливо указывает: «Ошибка современных либеральных реформаторов заключалась в непонимании того, что единственный способ, с помощью которого их предшественники XIX в. сумели убедить массы согласиться с их правлением и программой, была апелляция к национализму. Эта ошибка была особенно катастрофична в России, если говорить о многих российских либералах 1990-х годов, которые выступили не только как авторы ужасно болезненной программы экономических реформ, но и как апологеты гегемонии США над Россией — не слишком привлекательная предвыборная платформа для большинства российских избирателей. Находясь в России в 1990-е годы, я устал слышать от западных аналитиков и некоторых российских либералов, что российские “западники” XIX в. были предтечами и образцом для современных российских прозападных реформаторов, веривших, что Россия должна стать услужливым союзником Соединенных Штатов. Западники XIX в., конечно, верили в либеральные реформы, но по другим причинам. Подобно своим собратьям в Китае и Японии, они считали, что эти реформы необходимы для усиления Российской империи, конкурировавшей с западноевропейскими соперниками. Однако у них не возникало мысли проводить реформы ради того, чтобы Россия стала вассалом Британской империи» (там же).

А.В. Фененко, предлагая использовать опыт прусской стратегии реализуемого превосходства для решения военно-политических задач, стоящих перед Россией, также отмечает исключительную роль национализма: «Как утверждал Х. фон Мольтке, для использования реализуемого превосходства необходимо особое качество по-

литических элит, готовых воспользоваться данной стратегией... Мольтке нашел весьма оригинальный рецепт подготовки подобной элиты. “Побольше детям Древней Греции!” — гласил его остроумный ответ. За этим стоял глубокий смысл. История Древней Греции — это способность маленьких стран наносить поражение намного превосходящим их по размерам и ресурсной базе империям. Уверенность эллинов в своем превосходстве над “варварами” и их огромными ресурсами также импонировала Мольтке. Поэтому пример эллинов вдохновлял прусских стратегов XIX в. находить нестандартные решения по разгрому превосходящих по совокупности ресурсов противников» (Фененко, 2018).

По мнению А.В. Фененко, «сейчас перед Россией возник непростой вызов — строить военную (шире — внешнюю) политику не по Кутузову, а по Клаузевицу и Мольтке. Только такой вариант даст нам шанс на победу в начинающейся новой “холодной войне”» (там же). Это положение исключительно важно в контексте обсуждаемой книги, поскольку две главные ее задачи — проанализировать социальное неравенство как источник социально-политической неустойчивости, а также связь экономического развития и социальной политики с “конкуренцией великих держав и объективными параметрами их подготовки к будущей войне”, которая фактически уже стала настоящей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращаясь в заключение к проблемам развития, которое, увы, может быть только неустойчивым, следует отметить, что тут весьма вероятны самые глубокие изменения, связанные с очень существенным замедлением экономического роста, которые скажутся и на характере соперничества государств. В соответствии с феноменологической теорией роста численности человечества С.П. Капицы (1928–2012), к концу столетия население Земли должно достигнуть максимальной величины в 10–11 млрд жит., после чего начнет очень медленно сокращаться. Уже к середине столетия численность человечества должна практически выйти на плато (Капица, 2012). А.Г. Вишневский (1935–2021), тесно сотрудничавший с С.П. Капицей и консультировавший его по демографическим вопросам, сформулировал представление о быстром росте населения с конца XVIII до второй половины XXI в. как о коротком переходном периоде (не более трех столетий) между двумя равновесными состояниями — тысячелетиями крайне медленного роста и предположительно сопоставимым по продолжительности столь же медленным сокращением населения планеты (Вишневский, 2019). Результаты С.П. Капицы и А.Г. Вишневского отличаются от теории демогра-

фического перехода в том, что последняя предполагает стабилизацию численности человечества, а не ее постепенное сокращение.

Необходимо отметить, что все бурное экономическое развитие, начало которому положила первая промышленная революция, полностью укладывается в этот не столь продолжительный по историческим меркам переходный период. Важнейший вопрос — возможны ли высокие темпы роста экономики в условиях стабилизации и последующего очень медленного сокращения населения планеты? На первый взгляд, да, ведь и эпоха Великих географических открытий пришлась на период очень вялого демографического роста. Однако тогда население было молодым. Сейчас оно быстро стареет.

Исключительное мировоззренческое значение теории С.П. Капицы даже не в предсказаниях, основанных на ретроспективной проверке модели, — сходные прогнозы были сделаны и с использованием более традиционных методов, а в использовании концептуального и математического аппарата нелинейной динамики, предполагающего финалистское (телеологическое) объяснение вместо каузального. В теории это имеет форму принципа демографического императива: рост населения на планетарном уровне (для отдельных его частей теория не работает) никогда не подчинялся внешним ограничениям в виде доступных ресурсов, а всегда соответствовал внутренней закономерности, формулируемой математически. Если демографическая мысль уже во многом освободилась от безраздельного господства редукционизма, то экономическая, по-видимому, только начинает двигаться этим путем (Гринберг, Рубинштейн, 2021). Экономический рост, как и демографический, тоже может подчиняться каким-то глубинным закономерностям неизвестной нам природы. Никогда не следует отказываться от ньютоновского самоощущения мальчика, играющего галькой на берегу океана неведомого.

Между тем значение собственно экономических факторов неизбежно будет сокращаться в мире очень низких (даже по нынешним меркам) темпов экономического роста. Глобальные элиты стали готовиться к предстоящему переходу заходя, начиная с первых докладов Римского клуба. То, что те прогнозы совершенно не оправдались, несколько не смутило заказчиков, коим эти доклады были нужны в качестве идеологических документов, как и “устойчивое развитие” в дальнейшем. Разумеется, для Запада, вырвавшегося вперед, весьма желательно остановить забег, зафиксировав свою победу. Однако это с очевидно-

стью противоречит интересам других стран, будь то Китай, Индия или Россия. Они явно не склонны отказаться от попыток догоняющего развития.

Для России тут открываются сразу две взаимосвязанные возможности. Во-первых, стать лидером незападных стран при переходе к интенсивному развитию, замене количественных показателей качественными (Шупер, 2019). Переход к интенсивному развитию уже идет в экономике наиболее развитых стран, и именно он порождает разговоры о необходимости каким-то образом разбраться со становящимся избыточным населением. Однако в большинстве остальных сфер общественной жизни, будь то образование, наука, социальное обеспечение, рациональное природопользование (чтобы не прибегать к крайне идеологически нагруженному термину “охрана природы”) царит вопиющая экстенсивность. Засилье библиометрии, грубо деформирующее современную науку, — наиболее близкий нам пример и, вероятно, один из наиболее ярких (Шупер, 2020). Воспользовавшись идеями прогрессивного национализма, мы сможем восстановить суверенное целеполагание и подготовиться к совсем иной игре — той, которая начнется через 15–20 лет в мире очень медленного экономического роста. Для этого нам надо хорошо усвоить “пруссские уроки”, творчески развивать образование и науку и запастись терпением — в нынешней игре Россия, в отличие от Китая, выиграть все равно не сможет, а потому неизбежно будет выступать — и уже выступает — в качестве глобального ревизиониста.

Другая возможность подарена нам нашей историей и географией. Страна может еще долго сохранять относительно высокие темпы экономического роста в перешедшем к стационарности мире благодаря освоению Сибири и Дальнего Востока, последнего фронта, по А.Н. Пилясову. Разумеется, постиндустриальное освоение принципиально отличается от индустриального, оно значительно более наукоемко, менее трудозатратно, требует развития не только крупных промышленных и транспортных предприятий, но также малых и средних инновационных фирм, способствует внедрению новых социальных технологий и полиморфизму транспортных систем (Пилясов, 2009). Здесь открывается огромный простор для развития альтернативной географии и географам надо смело на него выходить. Речь не о “месте географии”, по Р. Каплану, а о ее реванше, о том, что снижение роли собственно экономических факторов повышает значение факторов геополитических и геоэкономических. Географам надо не ждать “социального заказа”, а смело

приступать к планированию будущего в форме вариантных самосбывающихся прогнозов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Статья подготовлена в рамках темы госзадания Института географии РАН № АААА-А19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008).

FUNDING

The article was prepared within the framework of the state assignment no. АААА-А19-119022190168-8 (FMGE-2019-0008) of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анатомия кризисов. М.: Наука, 1999. 237 с.
- Бабури В.Л. Легенды и реалии устойчивого развития сквозь призму географии // Изв. РАН. Сер. геогр. 2011. № 4. С. 97–106.
- Брюне А., Гишар Ж.-П. Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения. М.: Новый хронограф, 2012. 232 с.
- Бюржель Ги. Умирает ли Париж? М.: Изд. дом “Дело” РАНХиГС, 2014. 176 с.
- Вишневский А.Г. Демографический переход и проблемы демографического саморегулирования. Ответ А.Б. Синельникову // Социол. журн. 2019. Т. 25. № 4. С. 93–104.
- Григорьев Л.М., Морозкина А.К. Успешная неустойчивая модернизация мира: 1880–1913. М.—СПб.: Нестор-История, 2021. 176 с.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & Государство: экономическая дилемма. 2-е изд., испр. М.: Изд-во “Весь Мир”, 2015. 480 с.
- Зотин А. Где искать эффективную промышленную политику и зачем России Африка? // Международный дискуссионный клуб Валдай. 29.12.2021. <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/gde-iskat-efektivnuyu-promyshlennuyu-politiku/> (дата обращения 02.02.2022).
- Капица С.П. Парадоксы роста. Законы глобального развития человечества. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. 201 с.
- Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Науч.-изд. центр “Ладомир”, 1997. 847 с.
- Ливен А. Прогрессивный национализм // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. <https://globalaffairs.ru/articles/progressivnyj-naczionalizm/> (дата обращения 08.02.2022).
- Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М.: РОССПЭН, 2004. 773 с.
- Пилясов А.Н. И последние станут первыми: северная периферия на пути к экономике знания. М.: УРСС, 2009. 542 с.
- Фененко А. “Прусские уроки” для России / Российский совет по международным делам. 11 мая 2018. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prusskie-uroki-dlya-rossii/> (дата обращения 08.02.2022).
- Шупер В. Переход к интенсивному развитию: проект для России на XXI в. / Российский совет по международным делам. 6 мая 2019. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perekhod-k-intensivnomu-razvitiyu-proekt-dlya-rossii-na-xxi-v/> (дата обращения 06.02.2022).
- Шупер В.А. Севший голос науки. Взгляд из Отечества // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 1. С. 40–53. <https://www.science-practice.ru/index.php/science/article/view/44/56> (дата обращения 09.02.2022).

Successful Unstable Industrialization of the World: 1880–1913—Lessons for Modernity (Reflections on the Book by Leonid Grigoriev and Alexandra Morozkina)

V. A. Shuper^{1, 2, *}

¹*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

²*Bernardo O’Higgins University, Santiago, Chile*

*e-mail: Vshuper@igras.ru

Leonid Grigoriev and Alexandra Morozkina book is extremely relevant, because now, as in 1880–1913, there is a rapid increase in inequality. An important conclusion is that a revolutionary explosion was not inevitable and would not have occurred if there had not been a world war. Growth rates were limited by the insufficient breadth of domestic markets and slow growth in labor productivity due to a lack of human capital. Marxism, according to the authors, reflected the nature of society in the middle of the 19th century, but from about the 1870s, inequality and absolute poverty began to become different problems. Industrialization at the expense of the peasantry, which took place in Russia, which developed contrary to theories, should not be interpreted as an unequivocal evil, especially since similar phenomena were observed in other countries. The prevailing ideas about Germany’s motives in unleashing the First World War are called into question on the base of economic analysis (“steel doesn’t lie”). The Germany was extremely concerned about the change in the balance of power in favor of the United States and Russia. The authors concluded that there was no convergence in the development of the countries under consideration in 1880–1913. In their opinion, successful catch-up de-

velopment is a rather rare success. At the same time, the recipe for success has always turned out to be individual and unsuitable for replication. The separation of the colonies from the former mother countries has not diminished in the last century. Reflections on the book lead to the conclusion that Russia in the 21st century has an opportunity for longer than other countries to maintain the dynamism of development in a world that has passed to stationarity thanks to the development of Siberia.

Keywords: industrialization, social inequality, catch-up development, progressive nationalism, alternative geography

REFERENCES

- Anatomiya krizisov* [Anatomy of Crises]. Moscow: Nauka Publ., 1999. 237 p.
- Baburin V.L. Legends and realities of sustainable development through the prism of geography. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2011, no. 4, pp. 97–106. (In Russ.).
- Brunet A., Guichard J.-P. La visé hégémonique de la Chine. L'impérialisme économique. Paris: L'Harmattan, 2011. 208 p.
- Burgel G. Paris meurt-il? Paris, Perrin, 2008. 183 p.
- Fenenko A. "Prussian Lessons" for Russia. Russian International Affairs Council (RIAC), May, 11, 2018. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prusskie-uroki-dlya-rossii/> (accessed: 08.10.2022). (In Russ.).
- Grigoryev L.M., Makarkina A.K. *Uspeshnaya neustoichivaya modernizatsiya mira: 1880–1913* [Successful Unsustainable Modernization of the World: 1880–1913]. Moscow–St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2021. 176 p.
- Grinberg R.S., Rubinshtein A.Ya. *Individuum i Gosudarstvo: ekonomicheskaya dilemma* [Individual and State: An Economic Dilemma]. Moscow: Ves' Mir Publ., 2015. 480 p.
- Kapitza S.P. *Paradoksy rosta. Zakony global'nogo razvitiya chelovechestva* [Paradoxes of Growth: Laws of Global Development of Mankind]. Moscow: Alpina Nonfiction Publ., 2012. 204 p.
- Kissinger H. Diplomacy. New York: Simon & Schuster, 1994. 912 p.
- Lieven A. Progressive nationalism. *Rossiya v Globalnoi Politike*, 2020, no. 5. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/progressivnyj-naczionalizm/> (accessed: 03.10.2022). (In Russ.).
- Petrov M.K. *Istoriya evropeiskoi kul'turnoi traditsii i eyo problemy* [History of the European Cultural Tradition and its Problems]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004. 773 p.
- Pilyasov A.N. *I poslednie stanut pervymi: severnaya periferiya na puti k ekonomike znaniya* [And the Last will be the First: Northern Periphery on the Way to the Knowledge Economy]. Moscow: URSS Publ., 2009. 542 p.
- Shuper V. Transition to Intensive Development: Project for Russia in the 21st Century. Russian International Affairs Council (RIAC), May, 6, 2019. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perekhod-k-intensivnomu-razvitiyu-proekt-dlya-rossii-na-xxi-v/> (accessed: 03.10.2022). (In Russ.).
- Shuper V. The Shrunk Voice of Science. View from the Fatherland. *Upravlenie Naukoi: Teoriya i Praktika*, 2020, vol. 2, no. 1, pp. 40–53. Available at: <https://www.science-practice.ru/index.php/science/article/view/44/56> (accessed: 03.10.2022). (In Russ.).
- Vishnevskii A.G. Demographic transition and problems of demographic self-regulation. Answer A.B. Sinelnikov. *Sotsiol. Zh.*, 2019, vol. 25, no. 4, pp. 93–104. (In Russ.).
- Zotin A. Where to Look for an Effective Industrial Policy, and Why Russia Needs Africa. Valdai Discussion Club, 29.12.2021. Available at: <https://valdaiclub.com/a/highlights/where-to-look-for-an-effective-industrial-policy/> (accessed: 03.10.2022). (In Russ.).